

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба книги (Д. Чёрный).....	5
Предисловие (С. Лесней).....	11
Введение	12

Книга I. «ХРАНИТЬ ВЕЧНО»

Глава 1. Зеленые чернила	18
Глава 2. «Логика абсурда».....	46
Глава 3. «У вас была хорошая светлая камера».....	123
Глава 4. Игра в правосудие	141
Глава 5. Свидетели	153
Глава 6. Пересылка.....	178
Глава 7. Хранить вечно.....	197

Книга II. НА ОСТРОВАХ ГУЛАГА

Глава 1. Прелюдия.....	205
Глава 2. Год 1937-й.....	256
Глава 3. Пудожстрой	306
Глава 4. «Швейпром».....	335
Глава 5. Город 1941-й	397
Глава 6. Мошево.....	441

*Посвящаю моей маме и детям.
Е.Ф.*

Портрет автора, написанный в 1933 г.

СУДЬБА КНИГИ

Роман впервые издали в США лишь полвека спустя после того, как он был написан. Правда, Евгения Николаевна его дополняла новыми главами, правила и находясь в эмиграции... Но в окончательном виде он появился после выхода автора из заключения в 1950-х, когда ни солженицынских, ни прочих произведений на эту тему Евгения еще не видела.

Судьба самого романа детективна, как и человеческий контекст, соткавшийся вокруг него. Этот контекст и есть его продолжение, которого автор, к сожалению, не узнает, а вот младший ее сын, любезно предоставивший все материалы, визуальные и текстовые, будет, наверное, удивлен.

Век профессиональных стукачей долог. Едва ли не главный герой романа, который и направил молодую детскую писательницу и журналистку в многолетнее «путешествие» по ГУЛАГу, дожил и до оттепели, как она сама, и, вероятно, до перестройки. И именно о нем его зять поэт Алексей Суханов (диссиденты-друзья которого тоже повторили судьбу Евгении), прозревая, написал в конце 1960-х:

*Он добился всего, предавая друзей,
И ложится спокойно в кровать в сером доме,
Но где-то один из людей
Этой ночью не будет спать.*

*Этой ночью на севере где-то
Другой вспомнит что-то
Под серой холодной пургой.*

*И о нем будет долго еще вспоминать,
Тень отбросив на чью-то чужую кровать.*

К тому моменту роман Федоровой не только написан, но и осуществлена первая попытка вывезти его для издания за рубежом. Ее старший сын Слава, еще учась в МГУ, твердо решил бежать из Советского Союза на Запад и первую попытку предпринял где-то в конце 1964 года. Ночью он на надувной лодке только сумел выйти из Коктебеля. Но из-за изменившегося направления ветра успел отойти всего на три-четыре мили. Утром его случайно заметили с пассажирского катера, идущего из Коктебеля в Феодосию. Он успел выбросить в море все компрометирующие бумаги, в том числе и рукопись романа. Объяснил спасателям, что вышел порыбачить, но не справился с ветром.

Неудача старшего сына затем была восполнена удачей младшего. Стив Селенков вспоминает:

«Когда мама начала писать свою рукопись, сказать трудно, так как мы с ней большую часть времени в Советском Союзе жили врозь. Я с 1955 года и почти до эмиграции плавал на морских судах, а мама с бабушкой вернулись в Москву из «стокилометровой зоны» только в 1957-м. Но я точно знаю, что в один из моих приездов в Москву, в 1960 году, мы купили по случаю старинный «ундервуд», на котором мама и начала перепечатывать уже вчерне законченную рукопись. Перед самой эмиграцией я переснял на фотопленку все отпечатанные на «ундервуде» страницы рукописи и привез ее «контрабандой» в Нью-Йорк. В США мама продолжала работать над книгой, добавлять эпизоды и новые главы. К сожалению, целиком роман был издан только в 2004 году, через девять лет после ее смерти.

В целом роман потому актуален, что в нем и лагерная эстетика, и гражданская жизнь 1930–1940-х годов даны без примеси реконструкции и ретуши, поскольку пишет современница. Это живая ткань переживаний, удивлений, надежд и разочарований советской интеллигентки, жестоко поплатившейся за «словопреступление». Но всего этого сюжета, всей этой жизненной коллизии не возникло бы, конечно, без колоритного поэта и агента НКВД-КГБ Юрия (Георгия) Ефимова (так в романе — и это воля автора — истинная его фамилия уже занята советским фантастом).

О себе и людях, сопровождавших ее в горе и радости, во всех исправительных испытаниях, Евгения рассказала достаточно. А вот о Юрии, симпатии к которому не утратила до последних страниц, — не так много. И здесь мы приходим на помощь, поскольку покинутая семьей Евгении Москва слухами полнится — город-то маленький. Юрий Ефимов получил ту самую квартиру в сером университетском доме близ метро «Университет» за свои «уникальные» услуги государству; работал в Институте географии РАН, был членом Союза писателей, издал свои научные труды и книги стихов.

Все сложилось прекрасно в его жизни: путешествовал, объездил весь мир, написал об этом много, стал отцом двоих дочерей. Вероятно, он, верой-правдой служивший КПСС, еще успел походить на перестроечные митинги, где красовались лозунги «Долой КПСС!»... Но со смертью разведшегося еще в 1970-х с его дочерью Ланой (Анной) поэта Суханова стала проступать правда. Обе дочери внезапно стали набожны, вероятно, надеясь замолить грехи отца, сексота. Через его цепкие руки ведь прошли десятки таких, как Евгения, — и всем он посвящал стихи. Профессионал

высшей пробы. Его образ немного перекликается с образом Яромила из романа Кундеры «Жизнь не здесь», когда поэт доносит на брата своей первой любви. Мечтаю в экранизации сыграть роль Юрия.

О его работе узнавали косвенно: неисправимый бонвиван, он и в 1960-х мог флиртовать, ведя светские студенческие беседы, а, узнав, например, что отец красотки репрессирован, назавтра запросто сообщал эти сведения в ее деканат. Но вот беда: разговор не был окончен и девушка не успела сказать дознавателю, что отец реабилитирован. А деканат навалился со всей строгостью: «Как же вы не сообщили при поступлении?» Парадокс, но этот же факт биографии не помешал ленинградцу Славе, сыну Евгении, поступить в МГУ — все что-нибудь да скрывали...

ГУЛАГ Федоровой показан непредвзято, и в этом уникальность романа. Успев стать страшилкой и киноштампом, «лагерная пыль» многим до сих пор застилает видимость реальности 1930-х. То, как плавно погружается автор в очень разнообразный «исправительный мир», дорогого стоит. На Лубянку из Сочи едет с конвоем в купе (!) — все это покажется невероятным читателям, запуганным толщами других страниц. Невероятным, как автоматы в руках ростовских чекистов, но это единственная неточность, видимо, закравшаяся позже, при дополнениях, уже после просмотра советских фильмов. Не было тогда такого табельного оружия в НКВД, равно как и в Красной армии, — только винтовки. Но такие ошибки лишь подчеркивают правдивость прочего. Свежевыкрашенная лубянская камера, подводная тишина в здании Щусева — все словно ожидает «учебного года». Так и есть: 1937-й впереди. До сих пор тут из устрашающего располагалось на первом этаже лишь КБ Беломорстроя: царила товарищеская, институт-

ская атмосфера, как ни странно. Она же после допросов и суда (решение которого, отметим, Евгения и ее брат выслушали с восторгом) встретит заключенную в Пиндушах, в местном КБ, строящем корабли для канала и страны...

Контрасты ГУЛАГа как уже разветвленной к 1935 году производственной системы, а не просто «мест отбытия», — вот чем поражает книга. И изнутри, из лагеря воспринятое жаркое лето 1937-го, когда все «политические» познали самую нижнюю ступень беломорканальной жизни, — водораздел в случае Евгении. Из театра — на лесоповал. Но и там она помимо изнурительных работ встречается любовь, и эта «любовь отверженных», сменовеховца и строптивой журналистки, дает силы для побега. Психологическая острота романа выражена и во встрече бывшего экскурсовода по Беломорканалу с нагой беглой заключенной, и в возвращении ее в ГУЛАГ, и в согласии стать осведомительницей, ведь иного пути остаться в живых просто не было. И тогда перед Евгенией открывается снова другой ГУЛАГ: Пудожстрой, обильное, как в ресторане, питание, интеллигенция, рекрутированная индустриализацией. На дворе все тот же 1937-й...

Личность, возвысившая голос из своих страданий, перекрикивает время в официозном его звучании. Пройдут десятилетия, и роль интеллигенции в производстве и в обществе объективно возрастет, но это приблизит СССР не к коммунизму, а к контрреволюции, чего так боялись в 1920–1930 годы. Именем полвека назад осужденных свергнут с индустриального пьедестала уже не отдельный вождь, не ГУЛАГ и не КГБ, а целиком дело почти векового строительства сверхдержавы; начнется деградация и распад страны. Вот так время ответило. Полумер Россия не приемлет.

Евгения увидела все закоулки ГУЛАГа, включая и свой аналог солженицынского ракового корпуса, откуда уже была освобождена после Великой Отечественной войны. И лишь она, как очевидец, вправе судить свое время, а наше безвременье — советские пятилетки.

Д. Чёрный

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга рассказывает о жизни в тюрьмах, лагерях и ссылках в бывшем Советском Союзе и о встречах автора с интересными и благородными людьми в годы правления Сталина, в период развязанного им государственного террора, продолжавшегося до самой его смерти.

В этой книге описывается судьба молодой женщины — моей матери, рассказанная ею самой, попавшей по доносу «друга» в «мясорубку» сталинского террора в самом его начале, в 1935 году, и только поэтому уцелевшей. Случись это на год позже, она наверняка погибла бы в лагерях, и эта книга никогда не была бы написана.

Имена некоторых людей, о которых она упоминает, слегка изменены, чтобы избежать возможной обиды их ныне живущих родственников и знакомых. Мама дожила до 89 лет, из которых последние 22 года — в Америке, в Бостоне, и все это время продолжала писать свои воспоминания, рассказы и очерки о пережитом, прошлом и настоящем. Она много путешествовала до самой глубокой старости и из каждой поездки привозила новые рукописи, поэтому и сейчас многое еще не разобрано.

О жизни за рубежом и путешествиях, если время позволит, будет издана отдельная книга.

С. Лесней

ВВЕДЕНИЕ

Весна в тот год на Кавказе наступила необычайно рано. В начале мая по-летнему жаркое солнце растопило снега, с гор понеслись лавины, ручьи превратились в бурные потоки, ворочающие глыбы камней, а водопады обрели гигантскую мощь и красоту...

В 1935 году дороги на прославленную «жемчужину Кавказа» — озеро Рица — еще не было. Тем, кто хотел увидеть его, приходилось добираться туда пешком по каньонам Геги и Юпшары. Шоссе начиналось от Адлера у широкого устья Бзыби, сворачивало, проходя вдоль бурной и пенистой Геги, еще раз поворачивало в каньон Юпшары и там заканчивалось.

Удивительная река эта Юпшара — по своей прозрачности и кристальной голубизне она не сравнится ни с одной из горных рек Кавказа. Только на Алтае есть похожая — Катунь.

Если встанешь на мостике — над слиянием Геги и Юпшары, диву даешься! Косматый, бурный глинистокоричневый поток Геги переплетается с белопенными голубыми каскадами Юпшары, как две ленты, вплетенные в косу, прежде чем смешаются они в одну рыжую гриву. Откуда такое чудо? Быть может, оно возникло потому, что Юшпара, вытекая из Рицы и чуть войдя в узкий каньон, тут же вдруг вся уходит под землю и снова появляется только несколько километров спустя?

Окрестности Гагры изобилуют такими провалами, «карстовыми явлениями». Вырвавшись из подземного плена

(может быть, очищенный какими-то подземными химикалиями?), поток необычайной чистоты и бирюзовой голубизны несется между отвесными скалами каньона, так и не замутив свои воды до самого слияния с Гегой.

Вдоль нее, все дальше к Юпшарскому каньону, группы полуголых людей с черными от загара спинами прокладывали шоссе. Струи пота стекали по их запыленным телам. На головах — какие-то грязные тряпки, чтобы хоть чем-нибудь прикрыться от безжалостного солнца. Люди вяло долбили камни чем-то вроде огромных кирок и еще более вяло перетаскивали камни с места на место, укладывая их вдоль шоссе. Когда мы проходили мимо, они распрямлялись, обращая к нам худые, хмурые лица и задавали всегда один и тот же вопрос:

— Который час?

И тотчас откуда-нибудь с пригорка лениво отзывался человек с ружьем:

— Не разговаривать! Давай, двигайся, а то я те поговорю!

Непонятно, к кому это относилось — к работающим или к нам, беспечным путникам, и мы, смущенные, спешили пройти... Но у следующей кучки, где работали люди, нам непременно задавали тот же вопрос...

Что знала я об этих людях с угрюмыми лицами, которые задавали один-единственный вопрос, как будто ни до чего другого в мире им не было дела? Что знала я о них? Ничего. А что хотела знать? Ничего.

Кольнуло ли у меня в сердце: ты стоишь на пороге своей судьбы? Встревожилась ли?.. Нет, не кольнуло. Не встревожилась. Спешила пройти.

А он, мой спутник? Обаятельный мальчик, почти подросток на вид, лучший экскурсовод Краснополянской

турбазы. Стройный, смуглый, в так идущей ему турецкой красной фесочке с кисточкой. На крутой выпуклый лоб выбились темные кудряшки. Блестящие восторженные глаза чуть прищурены — тогда еще не было модно носить солнцезащитные очки...

Он, быть может, и знал, но думать об этом не хотел. Только не сейчас... Потом, потом... Ведь он не хотел зла... Нет, никому, никогда...

А кругом буйствовала весна — зеленая, кипящая, пьянящая... И любимый Кавказ... И строки обожаемой Цветаевой, тогда еще мало кому у нас известной:

*Пляшущим шагом прошла по земле! —
Неба дочь!
С полным передником роз! — Ни ростка
не наруша...*

...Вот и кончилось строящееся шоссе. Дальше — узкие тропы, карнизы, высеченные в скалах Юпшарского каньона то с одной, то с другой стороны, и подвесные мостики, их соединяющие, всего — двадцать четыре! Раскачивается, трепещет мостик над вспенившейся неистойой Юпшарой, вздыбленной весенними снежными водами. Перебираемся чуть ли не ползком. Дух захватывает — вот-вот сорвет мостик, унесет в реку...

Каньон — то совсем узкий, с отвесными стенами, и синяя лента неба; где-то над головой солнце золотит едва видные вверху на скалах стволы сосен, а внизу, в ущелье — тень и прохлада, а то вдруг стена скал отступит от реки, и на берегу возникнет самшитовая роща. Причудливо изогнутые, тяжеловесные стволы; словно водоросли, свисают длинные бороды мхов, и повсюду царит полумрак. Будто глубокое подводное царство...

А под ногами что творится! Сплошной благоуханный ковер — ландыши! Такие крупные, чистые, словно сложенные вниз восковые капли. А тропинки и совсем нет — как идти? Как же ступать по этому — из живых ландышей — ковру? Голова кружится...

Мы идем тихонько, бережно ступая. Идем, держась за руки. «Ни ростка не наруша...» Ах, если бы остановить время!..

Мой спутник насвистывает мотив из только что показанного в Москве фильма «Под крышами Парижа» — первого прорвавшегося к нам иностранного фильма. В Москве была сенсация!

«Sous les toits... de Paris...» — напевает он и тут же придумывает другие, русские слова:

...По лугам, где растут молодые цветы,

Мы сегодня идем — я и ты...

Я ловлю твой взор, твой приветный взгляд.

Мы болтаем вздор целый день подряд...

Бегут счастливые часы, струятся среди тишины и полумрака, тают в аромате ландышей... Мы молоды, мы счастливы. Нам хорошо вдвоем. Все наши беды, все наши несчастья — впереди, и мы о них ничего не знаем...

Что может знать человек о том, что ВПЕРЕДИ?.. Он не хочет знать даже того, что ПОЗАДИ, о чем узнать еще можно... Счастливое неведение. Счастливые прохожие...

КНИГА I

«ХРАНИТЬ ВЕЧНО»

ГЛАВА 1

ЗЕЛЕННЫЕ ЧЕРНИЛА

...И кто был другу
верно предан,
был этим другом
верным — предан.

С. Кирсанов

На Кавказе, в селении Красная Поляна, в 1934–1935 годах туристической базой заведовал Владимир Александрович Энгель. Чудесный старик, мягкий и добрый, любивший туризм и туристов, так радостно и тепло встречавший их, словно своих самых близких друзей. Он всегда помогал выбрать интересные маршруты и соответствующее снаряжение и так подробно и интересно рассказывал о Кавказе, что молва о турбазе на Красной Поляне распространилась по всем уголкам страны. Был он прекрасным знатоком Кавказа и методом экскурсионного дела. В помощники себе — экскурсоводами по Кавказу — он старался привлекать людей, как и он любящих Кавказ, знающих его, не боящихся длинных горных маршрутов с ночевками у костра.

Когда Энгель встретил Юрия Ефимова — будущего географа, тогда еще очень молодого, но одаренного и яркого человека, он сразу просто влюбился в него и пригласил экскурсоводом на Краснополянскую турбазу.

Лекции Ефимова привлекали туристов красноречием. Это были увлекательные, блестящие поэмы из истории по-

корения Кавказа, а также описания кавказской природы, оправленные в поэтическое и вдохновенное слово.

С Юрой Ефимовым судьба свела меня на курсах ОПТЭ (Общество пролетарского (!) туризма и экскурсий). Вот как это случилось. Вернувшись в Москву из внезапно прервавшейся журналистской командировки в пионерский лагерь «Артек» в начале лета 1934 года, я не знала, чем заняться. Мои отношения с мужем, как мне тогда представлялось, окончательно зашли в тупик, а жить одной летом, в сутолоке огромного, разгоряченного жарой города меня совсем не прельщало.

Я была в ту пору начинающей журналисткой и обычно старалась на лето уезжать «за материалом» куда-нибудь подальше от больших городов. И тут как раз мне предложили поехать экскурсоводом на только что открывшийся Беломорско-Балтийский канал. До этой поры мне не приходилось выступать в роли экскурсовода, но с работой ОПТЭ я познакомилась еще в 1933 году, проведя лето на Алтае, где собирала материал для очерка об Алтайском крае. Побывать на ББК мне показалось заманчивым, а освоить экскурсионный материал — не так уж сложно. Я знала, что канал построен заключенными, и это тоже вызывало интерес. И я поехала, захватив с собой своего старшего сына — пятилетнего Славку. Оказались увлекательными и «знакомство» с ББК, и работа экскурсоводом.

Я возила группы туристов на маленьком экскурсионном пароходике «К. Маркс» от Медвежьей горы до пристани Сороки на Белом море. Мы поднимались вверх по шлюзам реки Повенчанки, плыли водоразделом по живописнейшему озеру Выг с сотнями крошечных островков и спускались к Белому морю. Пока наш «К. Маркс» шлюзовался, мы с туристами ходили на плотины, любовались водопадами

на водосбросах, собирали камни для коллекций. На Выг-озере невозможно было спать — до того красивы были белые ночи с оранжевыми зорями в полнеба.

Наш туристический сезон прошел великолепно, меня все хвалили, признали одаренным экскурсоводом и премировали за отличную работу. Так я стала сотрудником ОПТЭ.

Зимой при этой организации открылись курсы по подготовке квалифицированных экскурсоводов, куда были приглашены 30 лучших специалистов. В их числе оказалась и я. Здесь произошло наше знакомство с Юрием Ефимовым. Он работал на Краснополянской базе кавказского маршрута, и ходили слухи о его богатейшей эрудиции, об удивительном знании Кавказа, о прирожденном ораторском таланте. Был ему всего 21 год.

Курсы наши проходили в подмосковном городке Болшево, там же находилось и общежитие. В свободное от лекций время чудесно было бродить на лыжах или стремительно мчаться с крутого берега Клязьмы на широкий заснеженный луг.

Юра Ефимов сидел за одним столиком со мной. С первого же дня мы понравились друг другу и стали проводить много времени вместе.

Это была даже еще не весна — преддверие весны, когда днем исходят слезами сосульки, чтобы утром снова украсить крыши стеклянной бахромой. Ночи еще холодные, луна окаймлена светлым кругом, и снег искрится. Черные стволы лип на крутом склоне Клязьмы отбрасывают четкие тени, ветки не шелохнутся. На морозном воздухе дышится легко, полной грудью.

Днем мы занимались, а вечером ходили гулять на обрыв к реке. На занятиях мы плохо слушали то, что скучно

и монотонно читал методист. Сначала для развлечения играли в крестики-нолики, потом — в отгадывание слов. Затем выяснилось, что оба любим стихи, и на занятиях мы исписывали целые тетради тем, что знали наизусть; главным образом — он, так как я знала гораздо меньше. А по вечерам Юра читал мне вслух — конечно, Ахматову, Гумилева, Цветаеву, которую он просто обожал, и — свои собственные тоже.

Этот мальчик был поэтом с детства. Его стихи, особенно ранние, были несколько вычурны, но блестящи и легки, как и услышанные мною позже лекции о Кавказе. Стихи всегда были искренние, каждая строчка проникнута взволнованной интонацией, даже если эта взволнованность и не касалась серьезных тем или глубоких раздумий. Прекрасные стихи были посвящены Девятой симфонии Бетховена, которую он, потрясенный, слушал в концерте.

Была у него еще и поэма «Голубая молодежь». В ней описывались четверо друзей, юношей, из тех, кого потом стали называть инакомыслящими. Тогда такого понятия еще не существовало. Друзья собираются, болтают о том о сем, непочтительно выражаются об «отце народов — великом кормчем» — это в те-то годы! Они критиканствуют, всерьез принимают Ильфа и Петрова, но между тем ведут жизнь обычных молодых советских людей: учатся, ходят на собрания — хоть и не слушают; голосуют, как положено, словом, свою «фигу» тщательно держат в глубине кармана.

Однако один из четверки наиболее подвержен «крамольным» мыслям, больше других наделен совестью, его беспокоит и заставляет задумываться такая «гениальная» идея, как коллективизация, и он склонен сомневаться в будущих ее плодах и методах организации коллективного хозяйства.

Другой герой «голубой четверки» («голубой» не по крови, но по контрасту с бездумными головами «красной», комсомольской молодежи) смекает, что их, пожалуй, могут и «загрести» за такие разговорчики. Этот башковитый юноша соображает, что зашли они слишком далеко, вели себя в студенческой среде чересчур вызывающе и ареста им, пожалуй, не миновать. Тогда он «резонно» решает: если гибнуть, то зачем же всем?.. Он умнее других, одареннее, энергичнее, жизнеспособнее, он так любит жизнь, и будущее сулит ему многое. Если все равно гибнуть — зачем же всем?

Не без колебаний, не без угрызений совести он решает пожертвовать мягкосердечным и неспособным на «борьбу» Алешей (тем, который больше других страдает совестью и копается в крамольных вопросах) и спасти себя и других. Он доносит на Алешу, и тот под конвоем отправляется на «Беломорстрой», а доносчик, Виктор Бланк, и другие спасены! Тогда Юра спросил меня, шаловливо улыбнувшись:

— Один из них — я! Который же?

Ах нет, что за ерунда! Хотя мы и сами болтали о том о сем и тоже были не слишком почтительны в выражениях о «великом кормчем», и в прошлом у меня уже была ссора с «Артеком», когда ярые, чрезмерно бдительные комсомольцы обозвали меня «классово чуждой» и «пролезшей», — нет, мысль о «Беломорстрое» Алеши и предательстве Бланка не встревожила моей юной головы — все это принималось как нереальность. А в жизни Юра был чудесным, чутким ко всему прекрасному, талантливым мальчиком.

На курсах ОПТЭ кроме скучных и нудных уроков по методике экскурсоводства и, конечно, обязательных «Краткого курса истории ВКП (б)» и исторического материализма проводились еще так называемые семинары. Это были наи-

более интересные и полезные занятия. Каждый курсант заранее намечал себе базу, куда он будет послан на летний туристический сезон по окончании курсов.

Когда начались семинары, занятия оживились, все курсанты собирались в полном составе слушать «именинника» — докладчика «своей» турбазы. Много было интересных, обширных, с экскурсами в историю и добротным знанием географии края докладов, но всех затмил доклад Юры Ефимова о Северо-Осетинском заповеднике, озере Рица, горах, окружающих Красную Поляну. Весь лекционный материал был прочтен им чуть ли не в «белых стихах», в «андребелическом» стиле (то есть в стиле Андрея Белого!), как выражался сам Юра.

Девчонки млели от восторга, ребята собирались его качать, педагоги и начальство, специально приглашенное на «семинар Ефимова», довольно потирали руки и хлопали Ефимова по плечу. Это был настоящий триумф. Но это было и нечто вроде начала прощания. Нежная грусть вкралась в наши отношения. Еще неделя-две, и кончатся курсы, отгремит выпускной вечер, и разлетимся мы во все концы нашей необъятной родины. Правда, только на лето, до осени, когда, может быть, снова встретимся, но как долго до этого! Все чаще говорили мы о неизбежной и близкой уже разлуке, бродили среди лип по ставшему рыхлым весеннему снегу, находя прогалинки со свежими стрелочками будущих травинков.

И вот он настал, наш выпускной вечер. Кроме нас, будущих экскурсоводов, собрались почти все директора баз, начальство и многочисленные гости. В основном это были молодые прокуроры. Дело в том, что возглавлял ОПТЭ в те годы известный альпинист и... Генеральный прокурор Советского Союза Н.В. Крыленко. Поэтому туристическое движение вы-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru